

БИБЛИОТЕКА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

УДК 026/027 (470)

Клещук С.Е.

Библиотеки и возрождение России

Опыт публицистически страстного историко-философского исследования причин нынешнего состояния отечественных библиотек и поиски пути их возрождения.

"... и не просто разуму выйти из тупика..."

М.Нострадамус. Центурии. Франция, 1550-е гг.

Фраза, поставленная в качестве эпиграфа к сугубо научной статье, использована великим прорицателем для определения того положения, которое сложится после правления в течение 73,5 лет кровавой секты, победившей в октябре в стране гипербореев (стране северных ветров).

Материалы отечественной библиотековедческой литературы показывают, что мои опасения относительно того, что лидеры советского библиотековедения не могут отойти от стереотипов прошлого, остаются в силе (см. "Науч. и техн. б-ки СССР, 1990, № 1). Доктора библиотековедения (и я им глубоко сочувствую), к сожалению, и мысли не могут допустить, что Владимир Ильич, этот "крестный отец" советского библиотечного дела, не только "не тот" Ленин, но и вообще личность, прямо противоположная нарисованному образу и идеалу, той "картинке с выставки", которую всем в мире преподносили с 1917 г., если не раньше. Примером может служить статья Ю.Н.Столярова в "Советском библиотековедении" (1991, № 5).

Все граждане России, а тем более гуманитарная интеллигенция, должны как можно скорее и сначала осознать глубину тупика и размеры духовно-интеллектуального провала и кризиса нашего общества, а уж потом выбираться из пропасти...

Начнем нелицеприятный разговор о Ленине как философе, политике и организаторе того "первого в мире государства рабочих и крестьян", которое умерло 30 декабря 1991 г.

За период с 1900 по 1917 г. В.И. Ленин прожил за границей в общей сложности 15 лет, последние 10 — безвыездно, т.е. своей страны он не знал. Это был кабинетный теоретик. Никакого нового философского учения после него не осталось, марксизм-ленинизм — это изобретение Сталина, а сам марксизм — это, по словам того же Ленина — сумма взглядов только Маркса и никого другого. Вообще же марксизм-ленинизм — это не философия, а идеология, образ поведения.

Более того, по незаметным, далеко не ясным и сегодня причинам после 1917 г. в нашей стране стал формироваться жесткий стиль обращения к марксизму, без оригиналов и первоисточников. Еще при Ленине внутри его окружения началась перестройка взглядов на марксизм, а с 1919 г. прямо писалось, что человеку надо отпустить марксизма столько, сколько ему необходимо, чтобы стать боевой политической единицей. (Прошу уважаемых коллег вспомнить, в какие годы подписывались Лениным все декреты по библиотечному делу?)

Именно поэтому за 74 года правления КПСС опубликован не только НЕ весь Маркс, но и НЕ весь коммунист Ленин: из 34 тыс. написанных им документов в так называемом Полном собрании сочинений опубликовано лишь 9 тыс., т.е. 26%. Больше народу было дать нельзя.

Почему я — человек, прошедший два гуманитарных вуза и имеющий степень кандидата педагогических наук по библиотековедению, должен узнавать от зарубежных авторов или из англоязычных источников:

о письме К.Маркса Вере Засулич о том, что его учение не подходит для России;

о том, что "поздний" Маркс предусматривал так называемое третичное, т.е. посткапиталистическое, постиндустриальное, постэкономическое общество без классовых конфликтов, где правит антропоцентризм (т.е. это нынешний либерально-демократический Запад);

о словах Маркса относительно того, что, если капитализм научится устранять свои недостатки, пролетариату не надо будет его и свергать?

Но ведь Ленин мог прочитать это в оригинале — так марксист он или нет?

Истинными идейными предтечами Ленина, как он сам признавался в узком кругу лидеров уже после 1917 г., были народовольцы Нечаев и Ткачев — теоретики террора, идеологи партии заговорщиков, лишённые морали и нравственности, у которых "отечеством" была мировая революция. Именно эти люди и были страшно далеки от народа, который они воспринимали не как сумму индивидуальностей, а как просто ведомую массу.

Материалы нашей прессы, опубликованные незадолго до августовского путча и после него, неопровержимо свидетельствуют о том, что В.И. Ульянов-

Ленин еще в 1915 г. подкуплен германским империализмом, т.е. тем самым врагом, против которого этот самый Ленин боролся всю сознательную жизнь; подкуплен, чтобы распатать Россию, свалить царя, сделать свою революцию, захватить власть и заключить сепаратный мир с Германией¹. Но... можно ли в таком случае верить Ленину как философу и политэконому после 1915 г.? А что, если после начала получения регулярных взяток он стал переделывать действительность под свои замыслы и подгонять свою философию и действия под социальный заказ? Простое сравнение: мысли Н.Бухарина об империализме, высказанные им в статье, напечатанной в 1915 г. (а теперь видно, что он был прав), прямо противоположны выводам Ленина 1916 г. об империализме как высшей и последней стадии капитализма, как кануне социалистической революции. Но ведь с этого вывода ВСЕ и началось!

В статье для библиотечного журнала не стоит рассуждать о том, почему правы противники Ленина, еще в 1906 г. писавшие, что большевики дальше всех стоят от марксизма. Займемся проблемами культурологии, социологии, философии, они библиотечному делу ближе и "родней".

Итак, с первых дней своей власти большевики столкнулись с вопросами организации науки и культуры, к решению которых не были подготовлены теоретически: эта партия создавалась только для диктатуры пролетариата, захвата власти и слома старой государственной машины, а не для мирного экономического и социального развития. Еще 85 лет назад, в 1906 г. большевики выдвинули лозунг "Республика (имелась в виду пролетарская, социалистическая. — С.К.) не нуждается в ученых" (! — С.К.). Отсюда странная, непонятная нормальному человеку, а потому и чудовищная ситуация — лидеры большевиков до марта — апреля 1917 г. безвыездно жили в Европе, в окружении ее двухтысячелетней культуры, но планировали вернуться в свою страну и уничтожать ее культуру. Откуда такой вандализм? Не надо удивляться: В.И.Ленин повторил лозунг народников о том, что у пролетариата нет отечества (вот истоки нашего советского "интернационализма"!). В результате мы получили пресловутых, воспетых партией "комсомольцев 20-х годов", которые еще подростками прошли все "прелести" гражданской войны — это первое поколение "советских людей", олицетворявших собой окончательный разрыв с дореволюционным прошлым, полную потерю накопленных в предшествующие эпохи социально-культурных ценностей, включая христианскую мораль и нравственность, потерю трудовых знаний и навыков. (Большевики, если воспользоваться словами русского философа С. Булгакова, занимались "упразднением внутреннего человека"). Что этим комсомольцам могла дать

¹ Брестский мир // Российская газета. — 1991, 3 августа, с. 4; Алданов М. Картины Октябрьской революции // Смена. — 1991, 31 июля, с. 5; Цыганов А. Рейхсмарки для диктатуры пролетариата // Аргументы и факты. — 1992. — № 3. — С.4.

советская массовая библиотека, концепция развития которой отсутствовала у большевиков даже к 1928 г. На 11-м году советской власти еще не было программы культурного строительства и воспитания "нового человека"!

Для практики библиотечного строительства в СССР гораздо большее значение имели работы "любимца партии" Бухарина и теоретика Пролеткульта Богданова, чем прекраснородушные маниловские мечтания Ленина о швейцарско-американской библиотечной системе для России (при гегемонии террористов из ЧК?). Изгнанный из России Н.Лосский в 1936 г. в Париже писал, что именно материализм в СССР способствует уничтожению личности, а принудительное введение диамата прекращает развитие философии; исторический материализм вообще научной теорией служить не может.

Руководствуясь историческим материализмом для обоснования теории и практики культурного строительства и организации библиотечного дела после 1917 г.:

Ленин использовал тезис о двух культурах для разгрома всей дореволюционной русской культуры, объявив ее "великорусским шовинизмом" и культурой эксплуататорских классов;

Бухарин в своей "культурной работе" делал ставку, как потом и Сталин, на массу, он выступал против интеллигенции, за недоверие к образованности, видя в интеллигенции зародыш буржуазности ("Азбука коммунизма");

наука в СССР стала зависеть от воззрений господствующего класса, т.е. жили по Марксу, а ведь именно ему принадлежит честь открытия процесса дегуманизации и овеществления человека;

ленинско-сталинский социализм отказался от морали, нравственности и разума, ибо идеи самого Маркса враждебны идее личной свободы и личной ответственности человека;

марксистская теория познания, основанная на постулатах классовой борьбы, имела дело только с природой и обществом, а философией культуры в СССР никто не занимался.

Библиотеки в том тоталитарном обществе, которое существовало в СССР, "себя потеряли". Они не выполняли своей первоначальной и изначальной функции — не выращивали нормальную личность, ибо советский человек отождествлял себя с коллективом, партией, государством. Личность в СССР жила для производства, ибо правил нами так называемый феномен технократического мышления. Библиотеки не занимались строительством культуры — в СССР не было атмосферы свободы как абсолютно необходимой основы здорового библиотечного прогресса.

Опорой режима был в своей массе ДОтоварный, ДОбуржуазный человек "урavnительного мышления" и общинного склада ума ("я как все", "не отрывайся от коллектива", "инициатива наказуема" — зачем ТАКИМ библи-

отека?). Этот советский человек не был творцом и хозяином даже самого себя, он работал по низшему пределу возможностей. Личность в СССР была средством процветания коллектива, а ценность коллектива абсолютизировалась. О каком передовом научно-техническом опыте и его распространении через научно-техническую информацию можно было говорить в стране, где предельная зарплата устанавливалась из Москвы, а изобретательская мысль национализирована еще в 1919 г.? Нынешние закрытия НТБ при переходе на рыночные отношения — это и есть синдром старого, "социалистического" мышления (библиотека есть накладные расходы?!).

Подводя итоги 74-летию правлению марксизма-ленинизма на территории России, прямо скажем, что он полностью выполнил свою историческую миссию относительно "разрушим все до основания", ибо библиотеку превратили в очаг и рычаг насильственной пропаганды коммунизма, в производственный аппарат политпросвета, хотя "ренегат марксизма" Э.Бернштейн еще 90 лет назад писал, что диктатура политики над культурой несостоятельна.

В возрождающейся России необходимо восстановить в правах целостную концепцию человека и заняться изучением этапов развития мировой цивилизации как способов создания интеллектуального потенциала каждого человека (этим вопросом марксизм-ленинизм не занимался). С чего начинать библиотекам свое возрождение, куда идти, какого человека, какую библиотеку и какое общество в России создавать?

Попробуем суммировать свои взгляды.

1. Библиотечное дело во всех странах мира — это не только сфера интереса общественных наук, но и арена столкновения "моральных принципов и научных теорий", т.е. место возникновения конфликтов, ибо формирование (комплектование) фондов — это этика, мораль, нравственность, знание, образование, обучение, а информационный поиск — это чисто технический прогресс, независимый от "теорий".

Именно поэтому надо бы поменять всю советскую науку о государстве и праве, но на что, на какую модель, на образец какой страны?

2. Научно-техническая информация ныне важнее "материи", т.е. сырья, энергии, материальных ресурсов. В правовом государстве либерально-демократического направления именно информация — кровь демократии и тезис об информационном единстве цивилизации подразумевает не только единую экономику, но и единообразный уровень демократии. В возрождающейся России следует отказаться как от ошибочной — от теории причисления морали, нравственности, религии, философии, самой культуры к некоей надстройке, ибо идеи и мысли не могут зависеть от экономики и политики.

3. Нам в России необходимо решить, что такое библиотечное дело — наука? искусство? ремесло? — если смотреть на него как на социальное явление. На Западе дискуссии о библиотечной профессии продолжаются.

По опросам населения в странах Европы библиотекари очень близко стоят к вершинам отметок по этике поведения, честности, порядочности, по отдаче в пользу других, библиотекари — это "идеалисты", бесребреники и человеколюбцы по складу души; их задача — несмотря на меньшие, чем у других профессий деньги, делать мир, общество и самого человека лучше.

4. Человеку необходима свобода искать, получать, распространять информацию независимо от государственных границ. И здесь пока у нас замкнутый круг: нет потока информации — нет нормальной интеллигенции (а не советской, народной) как ЛИДЕРА страны — нет прогресса — нет информационной свободы. К этому тезису примыкают пять законов Ш. Ранганатана, но это НЕ научные законы, а морально-нравственные заповеди, даже скорее идеалы либеральной демократии, они ведут ко всестороннему развитию личности.

5. Существо еще одной стороны проблемы в том, что с середины XIX века в Европе у библиотек появилась неизвестная советским специалистам роль — они начали работать над строительством нового общества либеральной буржуазной демократии. Иначе говоря, современная либеральная демократия Запада — ДОЧЬ книги, культуры и просвещения, а сама библиотека — МАМА либеральной демократии. А у нас в СССР библиотеки были проводниками линии партии — есть разница?

На Западе именно библиотеки делали "хорошего гражданина". Как писал философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет, массы перестают быть массами, т.е. толпой, когда начинают поглощать и переваривать всю мировую культуру огромными дозами, а результат будет прорасти в каждом человеке индивидуально, ибо все люди от природы разные. Злая ирония судьбы и трагедия народов России еще и в том, что идеи антропоцентризма, существовавшие в России и до 1917 г., стали внедряться на Западе особенно активно именно после нашего 17-го года.

В демократическом обществе библиотека — это не средство массовой информации, а социальный институт для выращивания личностей и индивидуальностей. Именно поэтому понятие о свободном человеке переносится ныне в область социологии, этики, права, психологии, экономики.

6. К концу XX века социум культуры стал самостоятельной силой наравне с производством (к вопросу об оплате труда), но в отличие от последнего — это социум индивидуальностей. Феномен культуры переместился в центр бытия человека, поэтому в развитых странах либеральной демократии в жизненных установках трудящихся доминируют духовные, а не материальные

потребности личности. Там государство уже давно не слуга буржуазии, а социальный арбитр. В классовом обществе (и об этом Э.Дюркгейм писал еще 110 лет назад) библиотека является связующей силой между различными слоями общества и придает ему социальную устойчивость. Ключ к философии библиотечного дела лежит в связке "человек и книга", и библиотековедению надо изучать те общественные силы, которые вызывают к жизни саму библиотеку. Распространение информации на Западе становится чисто техническим процессом, происходящим БЕЗ участия библиотекаря.

Чтобы профессия библиотекаря сохранилась, он должен профессионально овладеть современными способами и методами научно-технической информации; понимать, почему ученые не удовлетворены информацией из библиотеки; сознавать, что электронные системы позволяют ученым получить необходимую информацию до начала написания следующей фразы. Для анализа методики работы с информацией не нужна философия в советском смысле, в советском духе—как некое тотальное, всеохватывающее и систематизированное мировоззрение или система, которая существует как вещь в себе или над всеми. Здесь нужна философия как методика исследований, образ мыслей, как культурологическая база человека, как прикладная качественная сторона исследований.

7. От библиотек нельзя требовать отдачи, некоего эффекта от самого их существования. Как шутят американцы, только в библиотеке, музее и на кладбище ничего не убывает; к ним неприменимы законы экономики, а стоят они обществу все дороже и дороже.

Итак, библиотека—это символ культуры каждого общества и каждого типа цивилизации, показатель, характеристика и часть образа жизни. Советский образ жизни и его библиотека кончились. Россия вновь в пути, но куда? Библиотекари свободной и независимой России — кто мы и для кого мы? — вот в чем вопрос. Ответ даст коллективный разум.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белова Т.В. На переломном рубеже: О противостоянии в определении путей развития культуры в начале 20-х годов // Вестн. МГУ.— Сер. 12.— 1990.— № 4. — С.49—57.

Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. — Москва, 1901.— 359 с.

Бестужев-Лада И.В. Обществоведение: От квази религии к науке//Соц.-полит. науки. — 1990. — № 11. — С.38—48.

Биллер В.С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в XXI век. — Москва: Политиздат, 1990. — 413 с.

Библиотека: Сб. статей по библ. делу и библиографии. — Смоленск: Вышш. военно-редакц. совет, 1992. — 81 с.

- Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. — Одесса: ГИЗ Украины, 1923. — 264 с.
- Валуев В.С. Идеология марксизма: Мысли про и контра // Вестн. МГУ.—Серия 7. — 1991. — № 4. — С. 79—86.
- О вере и нравственности по учению Православной Церкви. — Москва: Изд-во Моск. Патриархии, 1991. — 365 с.
- Вильчек В. Алгоритмы истории // Нева. — 1990. — № 7. — С. 142—175.
- Задачи социалистической культуры // Сб. статей. — СПб., 1907. — 729 с.
- Зинченко В.П. Наука — неотъемлемая часть культуры? // Вопр. философии.— 1990. — № 1. — С. 33—50.
- Каграманов Ю. О почвенности и всемирности // Знамя. — 1990. — № 5. — С. 202—211.
- Кантор К.М. Два проекта всемирной истории // Вопр. философии. — 1990. — № 2. — С. 76—86.
- Каутский К. На другой день после социальной революции. — Петроград: Пролетар. мысль, 1917. — 64 с.
- Криворотов В. Русский путь // Звезда. — 1990. — Июль. — С.140—164.
- Кувакин В.А. Возможно ли демократическое понимание марксизма? // Вестн. МГУ. — Серия 7. — 1991. — № 6. — С. 3—19.
- Лосский Н. Индустриализм, коммунизм и утрата личности // Свобод. мысль.— 1992. — № 3. — С. 38—44.
- Международный пакт о гражданских и политических правах.
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.
- Мигдал А.Б. Физика и философия // Вопр. философии. — 1990. — № 1. — С. 5—32.
- Рубакин Н.А. Основные задачи библиотечного дела. — СПб.: Тип. М.А.Александрова, 1907. — 31 с.
- Смирнов П.И. Социальная значимость как основная личностная ценность // Вестн. ЛенГУ. — Серия 6. — 1990. — № 3. — С. 38—43.
- Струве П. Patrioticа: Политика, культура, религия, социализм. Сб. статей.—СПб.: Изд. Д.Е.Жуковского, 1911. — 619 с.
- Терборн Г., Красильщиков В. Идея социализма и мировое развитие // Коммунист — 1991. — № 3. — С. 18—26.
- Ушаков В. Возвращение к реальности: Истоки наших заблуждений // Нева. — 1991.— № 1.—С. 137—160.
- Чепуренко А.Ю. Образ Карла Маркса в современной публицистике: Крушение марксизма или кризис в его развитии? // Соц.-полит. науки.—1990.— № 11.—С. 13—29.
- Bellardo T. Idealism and the information profession // Education for information.— 1991.—Vol.9.— № 1.—P.1—2.
- Benge R.C. Libraries and cultural change.—London: Clive Bingley, 1970.—278 p.
- Drake M.A. Management of information // College and research libr.—1989.— Vol.50.— № 5.—P.521—531.
- Giddens A. Capitalism and modern social theory: An analysis of the writings of Marx, Durkheim and Max Weber.—Cambridge: Cambridge University press, 1988.—261 p.

Gill C. Work, unemployment and the new technology.—Cambridge: Polity press, 1985.—204 p.

Gorman M. The academic library of the 2001: Dream or nightmare or something in between // J. acad. librarianship.—1991.—Vol. 17.— №.1.—P. 4—9.

The intellectual foundations of library education / Ed. by Don R. Swanson.—Chicago: The University of Chicago press, 1965.—98 p.

Kumar K. The rise of modern society: Aspects of the social and political development of the West.—Oxford: Basil Blackwell, 1988.—338 p.

Larrain Jorge. The concept of ideology.—London: Hutchinson, 1986.—256 p.

Patterson Ch.H. Moral standards: An introduction to ethics.— New York: The Ronald press, 1957.—535 p.

Report on public libraries in England and Wales.—London: Stationary Office, 1927.—356 p.

Science and technology in the transformation of the world.—London: The United Nations university, 1982.—174 p.

Shera J.H. The foundations of education for librarianship.— New York: Becker and Hayes, 1972.—511 p.

Sosa F.J., Harris M.H. Jose Ortega-y-Gasset and the role of the librarian in post-industrial America // Libri.—1991.—Vol.41.— № 1.—P. 3—21.

Westermarck E. The origin and development of the moral ideas.—In two volumes.—London: Macmillan and Co., 1906.—Vol.1.—716 p.